

К ИСТОРИИ РАЗВАЛА РУССКОЙ АРМИИ В 1917 ГОДУ

Развал русской армии начался задолго до Февральской революции 1917 г. и явился объективным необратимым результатом краха самодержавия. Уже первые месяцы мировой войны 1914–1918 гг. показали неспособность царизма руководить государством и управлять армией в военной обстановке.

Массовые мобилизации самой трудоспособной части населения привели к серьезным качественным экономическим и политическим сдвигам как в народном хозяйстве, так и во всем комплексе классовых и национальных взаимоотношений. Не обошли они и вооруженные силы России. В начале войны в русской армии господствовала отчужденность между в основном дворянским составом офицерства, с одной стороны, и преобладающей крестьянской массой, которую дополняли рабочие и представители мелкой городской буржуазии, с другой. В ходе войны, когда многомиллионная русская армия стала по своему составу народной и на место кадрового офицерства, понесшего большие потери на фронтах, в нее влился широкий поток новопроизведенных офицеров из низов, это классовое соотношение резко изменилось и вызвало дальнейший рост противоречий не только между командным составом и солдатами, но и между значительной частью офицерского корпуса и генералитетом, а также внутри ставшей разнородной офицерской среды. В то же время благодаря усиливавшейся социальной близости (в определенной степени) стирались грани между младшим офицерским составом и солдатами.

Взаимосвязанность многомиллионной русской армии со всей страной чувствовали и отмечали даже видные военачальники. Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н.В.Рузский еще до Февральской революции писал: «Нельзя выпускать из виду, что современная армия, включая в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений России, представляет собой однородную с прочим населением массу, и, естественно, отражает в себе те настроения, помыслы и стремления, которые суммируются в другой половине ее»¹.

Таким образом, именно в годы первой мировой войны армия как никогда была тесно взаимосвязана с российским обществом. Поэтому отрицательное отношение значительной части российского общества к ведению царским правительством войны, особенно после военных поражений 1914–1915 гг., а также снижению жизненного уровня, массовых мобилизаций на фронт не обошло и действующую армию. К тому же затажной характер войны, антинародность ее политических целей, недостаточное материально-техническое и продовольственное снабжение, жестокие лишения, разлука с родным домом, постоянная угроза смерти, всевозможные тяготы солдатской жизни и другие факторы явились причиной зарождения антивоенного движения среди солдат. Оно выражалось в форме дезертирства, добровольной сдачи в плен, саморанений, отказа исполнять боевые приказы командования и других нарушениях воинской дисциплины. Но наиболее ярко это движение проявилось на фронте в виде братания.

Что такое братание? Это вид протеста солдат воюющих стран против войны, выражающийся во встречах на нейтральной полосе на основе взаимного отказа от ведения военных действий. На русском фронте братание было впервые зарегистрировано командованием весной 1915 г.² Массовое распространение оно получило во второй половине 1916 и особенно в 1917 г.

Изучение отечественной историографии по теме «Демократическое движение за мир в русской армии в 1917 г.», в том числе и братанию, показывает, что практически все авторы касались лишь внешней стороны этого явления. В основном перечислялись случаи братания, односторонне показывалась роль большевиков в нем. Несмотря на наличие источников о действительном характере братания и его организаторах – австро-германском командовании, этот вопрос обходился молчанием³. Если же подлинными организаторами братания и указывались, авторы не придавали их деятельности серьезного значения⁴. Лишь в 1997 г. в «Военно-историческом журнале» вышла документальная публикация «Бумеранг братания», подготовленная С.Н.Базановым и А.В.Прониным, в которой показана подрывная деятельность австро-германских спецслужб.

Немного места уделено в отечественной историографии другим формам антивоенного движения – дезертирству, саморанениям, добровольной сдаче в плен и др. В основном приводится цифровой материал и различные примеры⁵. В зарубежной историографии проблема антивоенного движения в русской армии наиболее полно представлена в работах М.С.Френкина и А.К.Уайлдмана⁶. Хотя они посвящены развитию революционного процесса в действующей армии в целом в 1917 г., авторы, главным образом М.С.Френкин, рассматривают и такие вопросы, как дезертирство, добровольная сдача в плен, саморанения и особенно братание⁷. М.С.Френкин напрямую связывает его организацию австро-германским командованием с добычей разведывательных данных, что многократно

документально подтверждает. Главную цель большевиков в участии в братании автор видит в том, что они «разрывали всю цепь дисциплины и подрывали боеспособность армии»⁸. Говоря о роли самих солдат в этом процессе, М.С.Френкин замечает, что «вряд ли не искушенная в политике солдатская масса смогла бы без большевистских агитаторов создавать определенные формы этого движения»⁹. Если в оценке действий австро-германского командования по отношению к братанию автор, бесспорно, прав, то цель большевиков в этом процессе и особенно роль солдатских масс, на наш взгляд, показана не совсем объективно и несколько упрощенно.

Изучение источников, в первую очередь мемуаров, дает более полное представление об этом движении. Посмотрим, как к проблеме братания относились различные политические партии, русское и австро-германское командование.

Внимательно следя за событиями на фронте, В.И.Ленин тщательно изучал проблему братания, видя в нем одну из форм борьбы против антинародной войны. Еще в 1915 г. В.И.Ленин призывал к поддержке «братанья солдат воюющих наций в траншеях и на театре войны вообще»¹⁰. После победы Февральской революции братание стало одним из лозунгов большевиков на фронте. В Апрельских тезисах В.И.Ленин отмечал необходимость пропаганды братания. В проекте резолюции о войне Петроградской общегородской конференции РСДРП(б), написанном В.И.Лениным в апреле 1917 г., говорилось, что братание является одним из наиболее действенных средств, способных ускорить прекращение империалистической войны. Под братанием, говорил В.И.Ленин, мы разумеем, во-первых, издание воззваний на русском языке с переводом на немецкий для распространения их на фронте; во-вторых, устройство митингов русских и немецких солдат, через переводчиков, без присутствия офицеров. В таких воззваниях и на таких митингах должны разъясняться взгляды на войну и мир, должно указываться на то, что если в России и Германии власть перейдет в руки трудящихся, то тогда будет обеспечен быстрый конец империалистической войны и демократический мир между всеми народами¹¹.

Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), определяя задачи большевистской партии в поддержке массового братания солдатских масс на фронте, указала, что необходимо стремиться «превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата»¹². А это уже выходило за рамки антивоенного движения.

21 апреля 1917 г. в «Правде» было опубликовано «Воззвание к солдатам всех воюющих стран», написанное В.И.Лениным. Оно было издано на русском, немецком и других языках и распространено на фронте¹³. Через неделю, 28 апреля, «Правда» вновь обращается к теме братания на фронте – печатается статья В.И.Ленина «Значение братанья». В ней излагались взгляды большевистской партии на братание. В.И.Ленин подчеркивал, что оно развивает и укрепляет доверие между рабочими различных стран, ломает дисциплину мертвого подчинения солдат «своим» офицерам и генералам, «своим» капиталистам. Отсюда ясно, что братание есть «одно из звеньев в цепи шагов к социалистической, пролетарской революции». Далее В.И.Ленин отмечал: «Чтобы братанье возможно легче, вернее, быстрее шло к нашей цели, мы обязаны заботиться о наибольшей организованности и о ясной политической программе его»¹⁴. В.И.Ленин призывал добиваться, чтобы братание не ограничивалось разговорами о мире вообще, а переходило к обсуждению политической программы. Здесь видно стремление В.И.Ленина придать братанию не столько антивоенный, сколько политический характер.

Наиболее распространенными формами проведения братания большевиками являлись, как рекомендовал В.И.Ленин, издание воззваний на русском и немецком языках, устройство митингов русских и немецких солдат. В воззваниях и на митингах большевики старались убедить солдатские массы, что войну можно окончить и добиться демократического мира только путем передачи власти в руки рабочих и крестьян. Здесь же следует отметить, что только «Правда» в период с марта по октябрь 1917 г. опубликовала 18 различных материалов, посвященных вопросам братания. Проблемы, связанные с братанием, содержались и в других большевистских газетах, в первую очередь, в «Солдатской правде» и «Окопной правде», а также «Социал-демократе». К числу других материалов партии большевиков, касающихся вопросов братания относятся документы VI съезда РСДРП(б), партийных конференций, ЦК РСДРП(б), Военной организации при ЦК большевистской партии и местных партийных организаций. Таким образом, помимо использования братания солдат в целях достижения демократического мира, большевистская партия после Февральской революции подняла братание на щит как способ развала и так уже пошатнувшейся дисциплины в русской армии, имея при этом в виду и армию противника.

Общеизвестно, что большинство других политических партий в разной степени осуждали любые проявления антивоенного движения, в том числе братания, критиковали в своих печатных органах и в устной пропаганде большевиков за их взгляды на вопросы братания¹⁵.

А как смотрело на эту форму антивоенного движения солдат командование, как русское, так и австро-германское, что видело оно в братании? Генерал А.И.Деникин писал, что это явление было вызвано «исключительно беспросветно-нудным стоянием в окопах, любопытством, просто чувством человечности даже в отношении к врагу – чувством, проявлявшимся со стороны русского солдата не раз и на полях Бородино, и на бастионах Севастополя, и в Балканских горах. Братание случалось редко, преследовалось начальством и не носило опасной тенденции»¹⁶.

Если русское командование в первых стихийных братаниях солдат увидело лишь нарушение дисциплины, не носившее «опасной тенденции», то германское руководство решило его использовать в своих интересах. «С наступлением для Германии трудных времен, – писал впоследствии в своих очерках генерал Ю.Н.Данилов*, – правительство императора Вильгельма озаботилось созданием в различных пунктах страны особых отделений для пропаганды идей, способных облегчить германскому народу продолжение и благополучное окончание войны»¹⁷. Летом 1916 г. по инициативе германского верховного командования, в том числе и генерала Э.Людендорфа, деятельность этих отделений была объединена в одну организацию, во главе которой был поставлен полковник фон Гирген. Постепенно ему удалось наладить и развить порученное ему дело. Пропаганда распространялась всевозможными путями, но особое значение придавалось словесной передаче обработанных в нужном смысле сведений. «Мысль существует, – говорил генерал Э.Людендорф по поводу этого способа, – а откуда она взялась – неизвестно»¹⁸.

Следует отметить, что пропаганда в соответствующих направлениях велась не только внутри стран Четверного союза, не только в нейтральных странах, но в основном направлялась широкой волной в государства, находившиеся с Германией в состоянии войны. «Шла она туда двумя путями, – писал генерал Ю.Н.Данилов, – с фронта и через тыл, но имела одну цель: угасить в народах и войсках этих государств дух войны и подорвать в них внутреннюю дисциплину...»¹⁹. Братание для этой пропаганды подходило как нельзя лучше.

Как уже отмечалось, в 1915–1916 гг. братание солдат на фронте не было массовым явлением и только после Февральской революции оно стало принимать обвальный характер. Почему так произошло? «На первый взгляд, падение монархии, – рассуждал в своих мемуарах А.Ф.Керенский, – развал всего правительственного и административного аппарата никак не сказались на фронте. Создавалось впечатление, что структура действующей армии... оставалась в неприкосновенности. Однако все это было лишь на поверхности. Недоверие к Верховному командованию, которое неудержимо нарастало в нижнем эшелоне в те несколько месяцев, которые предшествовали катастрофе, в первые недели после революции вырвалось наружу и привело к взрыву, подорвав саму основу дисциплины – доверие солдат к офицерам». Далее А.Ф.Керенский отмечает, что в первые недели после Февральской революции «вся страна прошла через кризис, но именно на фронте этот кризис приобрел глубокие и опасные черты. Ведь с потерей дисциплины армия неизбежно разлагается и теряет свою боеспособность»²⁰.

Именно после победы Февральской революции, когда в войсках стремительно стала падать воинская дисциплина, братание, как уже отмечалось, явилось одним из лозунгов большевиков на фронте. Как известно, большевиков-военнослужащих после победы Февральской революции в действующей армии было немного, и они, естественно, не могли организовывать братание на фронте протяженностью полторы тысячи километров. Каким же способом проникали посланцы большевистской партии в действующую армию? Как писал в своих мемуарах А.Ф.Керенский, «делегаты Совета, действуя от имени рабочих и крестьян, стали быстро набирать в армии силу – именно им доверили выступать в качестве комиссаров, ответственных за всю деятельность созданных комитетов, а также в качестве посредников между комитетами и офицерами... Воспользовавшись сложившейся ситуацией, большевистские агенты под личиной делегатов и комиссаров внедрились в армию; такое нетрудно было осуществить в первые дни революции, когда «комиссарские мандаты» выдавали всем без исключения, не удосуживаясь проверить, с какой целью претендент на мандат отправляется на фронт»²¹. Сказанное А.Ф.Керенским полностью подтверждает генерал А.И.Деникин. В своих очерках он пишет, что «по фронту совершенно свободно разъезжали партизаны из Совета и Комитета с аналогичной проповедью (заклучения мира с Германией. – С.Б.), с организацией «показного братания» и с целым ворохом «Правд», «Окопных правд», «Социал-демократов»²². Следует подчеркнуть, что именно этот способ проникновения на фронт в основном и использовали большевики. Кроме того, для этих целей они использовали маршевые роты, следовавшие из тыловых гарнизонов в действующую армию.

Усиление большевиками кампании братания совпадало по времени и находилось объективно в тесной связи с благоприятной обстановкой для этого движения, создавшейся весной 1917 г. на фронте.

* В годы первой мировой войны занимал должности начальника штаба Северного фронта, командующего 5-й армией Северного фронта. В конце гражданской войны – начальник военного управления в правительстве П.Н.Врангеля.

По соглашению правительств Германии и Австро-Венгрии с целью побуждения Временного правительства к открытию мирных переговоров и для создания соответствующей мирной атмосферы в России было предписано командованию стран Четверного союза не предпринимать никаких военных действий на русском фронте. «Действуя по инструкции германского главнокомандования, – писал А.Ф.Керенский, – главнокомандующий Восточным фронтом баварский кронпринц Леопольд внезапно прекратил все боевые действия против русских, и над германскими позициями нависла мертвая тишина». И далее саркастически заметил: «Неожиданно принц Леопольд превратился в апостола мира, в друга русских солдат и злейшего врага империалистических поджигателей войны»²³.

Для чего австро-германскому командованию понадобилось прекращение военных действий? Как вспоминал в своих мемуарах немецкий генерал-квартирмейстер и начальник штаба Восточного фронта генерал М.Гофман, поскольку русская революция не оправдала германских надежд на немедленное заключение мира, «мы имели также полное право использовать против них все средства пропаганды»²⁴. О том, как на практике осуществлялись эти «все средства пропаганды» на русском фронте, рассказывал генерал А.И.Деникин: «Немецкий генеральный штаб поставил это дело широко, организовано и по всему фронту, с участием высших штабов и командного состава, с подробно разработанной инструкцией, – в которой предусматривались: разведка наших сил и позиций; демонстрация внушительного оборудования и силы своих позиций; убеждение в бесцельности войны; натравливание русских солдат против правительства и командного состава, в интересах которого якобы исключительно продолжается эта «кровавая бойня». Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы»²⁵. А.Ф.Керенский дополнил эту картину: «Расположения русских войск были засыпаны листовками за подписью принца (Леопольда Баварского. – С.Б.). В них он призывал русских солдат замиряться с германскими братьями... Он также требовал опубликования секретных договоров между Россией, Англией и Францией (что впоследствии, как известно, и было сделано Советским правительством. – С.Б.), поощрял недоверие к русским офицерам...». Далее А.Ф.Керенский признавал, что хорошо организованная германская пропаганда давала свои плоды. Расчет у немцев был прост: «Уставшие от войны русские солдаты, в большинстве своем крестьянская молодежь, наспех обученная и недавно надевшая форму, становилась легкой добычей таких махинаций, многие из них искренне верили, что немцы хотят мира, в то время как их собственные офицеры... выступают против него». Касаясь непосредственно братания в послефевральский период, А.Ф.Керенский писал: «Немецкие солдаты стали выбираться из своих окопов, переползая к русским «товарищам» и брататься с ними. Со временем немцы и вовсе осмелели и начали посылать на русскую сторону офицеров с белыми флагами, которые обращались с просьбой передать штабному начальству предложение о перемирии»²⁶.

Таким образом, весной 1917 г. благодаря прекращению военных действий со стороны противника, на фронте началась волна братаний, организованных немецким командованием и, с другой стороны, активно поддержанных большевиками, прибывавшими в действующую армию в составе различных делегаций и с маршевыми ротами.

В этот период отчетливо проявилась слабость государственной власти Временного правительства и лидеров Советов в отношении возникшей проблемы братания, сводящего на нет боеспособность войсковых частей, и резкого падения в них дисциплины. Парадоксальной была и терпимость Временного правительства в условиях войны к открытой проповеди и организации братания большевиками на фронте. Как «Правда», так и лидеры Военной организации большевиков, например, Н.В.Крыленко, пытались доказать, что большевики не допустят использования братания для «выведывания военных тайн»²⁷. Однако неоспоримые факты говорят об обратном. Документы германской и австро-венгерской разведок полны обильными сведениями об использовании ими братания в своих интересах. Так, по подсчетам М.С.Френкина, только за май 1917 г. австро-венгерская разведка 3-й и 7-й армий осуществила через братание с русскими солдатами 285 разведывательных контактов²⁸. Австро-германское командование в своих секретных приказах весной 1917 г. предписывало «вступать в разговоры с представителями противника только уполномоченным на это офицерам разведки»²⁹. Когда же все мероприятия австро-германского командования по так называемой мирной пропаганде были выполнены, в результате чего был собран обильный разведывательный материал, братания со стороны противника со второй половины мая временно прекратились.

Вскоре по приказу австро-германского командования стали разбрасываться с аэропланов над русскими окопами прокламации, в которых сообщалось, что ввиду начавшегося наступления солдаты, пытавшиеся выходить на братание, будут расстреливаться³⁰.

Что же делало Временное правительство, Ставка, советы и войсковые комитеты для спасения армии, так как нормальное существование армейского организма и братание взаимоисключались? Естественно, все органы государственной власти и верховное командование осуждали братание. Однако все увещания и призывы покончить с братанием весной 1917 г. успеха не имели³¹.

В отечественной историографии период марта-июня 1917 г. частью исследователей принято считать временем стихийного братания. Например, В.В.Кутузов утверждал, что период «от Февральской революции до начала июньского наступления на фронте (март-июнь) – был периодом стихийного возникновения братания»³². Аналогичную оценку данному периоду дал и А.Г.Ткачук³³.

Однако о стихийности братания можно лишь говорить условно для его дофевральского периода и разве что начального этапа (конец февраля – март) послефевральского. Едва ли можно назвать стихийным это явление, если оно оформлялось соответствующими резолюциями, прокламациями и даже договорами некоторых частей о перемирии с противником³⁴. Представляется весьма сомнительным, чтобы в большинстве малограмотные и слабо разбирающиеся в политической жизни солдаты смогли сами налаживать организованные формы этого движения. Ряд исследователей все же признает этот факт. Так, В.И.Миллер отмечал, что партия большевиков уже в первые недели после Февральской революции выработала целую систему мероприятий, направленных на то, чтобы придать братанию организованный характер. «Эти требования большевиков, – пишет В.И.Миллер, – уже в первые месяцы революции нашли определенное отражение в ряде политических документов»³⁵. Другой исследователь Л.М.Гаврилов также считает, что в марте-июне 1917 г. «наиболее организованно братание проходило там, где солдатские комитеты находились под влиянием большевиков», и что деятельность таких солдатских комитетов «привела к тому, что на некоторых участках фронта боевые действия были прекращены и установилось фактическое перемирие»³⁶.

После Февральской революции резко усилилось дезертирство, что также свидетельствовало о значительном ухудшении политико-морального состояния русской армии³⁷. Если за все годы войны, предшествовавшие Февральской революции, по данным Ставки, дезертировала из действующей армии 201 тыс. солдат, то только с 1 марта по 1 августа 1917 г. этот показатель составил 170 тыс.³⁸ Однако эти статистические данные, безусловно, сильно занижены, так как командиры в ожидании возвращения дезертировавших солдат воздерживались от подачи точных сведений. По свидетельству М.В.Родзянко, пополнения из тыловых батальонов прибывали на фронт с 25%-ной утечкой солдат, разбегавшихся по дороге, а общее количество дезертиров к концу 1916 г. было около 1,5 млн чел.³⁹ По сведениям вражеской разведки количество дезертиров к весне 1917 г. достигало в русской армии 2 млн чел.⁴⁰

Чем был вызван резкий скачок дезертирства из действующей армии в этот период? До 1917 г. истоками этого явления было преимущественно шкурничество, а также неуклонное падение дисциплины, вызванное революционными событиями. Между тем одна из главных причин усиления этого явления после Февральской революции была напрямую связана с аграрным вопросом, вставшим на повестку дня после свержения самодержавия. Как вспоминал И.Г.Церетели, солдаты из крестьян настойчиво требовали отчуждения помещичьих земель и установления на них уравнительного общинного землевладения⁴¹. Другой видный политический деятель Н.Н.Суханов, касаясь проблемы солдат-дезертиров, устремившихся в деревню, подчеркивал, что они «текли по деревням из тыла и фронта, напоминая великое переселение народов»⁴². Создание земельных комитетов в ряде местностей еще до опубликования положения о них часто независимо от этого акта служило сигналом для крестьянства и солдат из крестьян о приближении времени решения аграрного вопроса. Это был дополнительный толчок для усиления дезертирства из действующей армии, хотя создание земельных комитетов мыслилось как мера предотвращения аграрных беспорядков⁴³. Дезертиры, как отмечал П.Н.Миллюков, «спешили домой к разделу» земли и тем самым поднимали волну аграрных выступлений⁴⁴. Таким образом, не подлежит сомнению, что значительное число солдат избрало путь дезертирства как возможность реализации своих аграрных интересов.

Появление массы дезертиров в деревнях России сильно меняло политическую атмосферу на селе и объективно превращало многих солдат, покинувших фронт, в активный фактор развертывавшегося аграрного движения. Появление волны фронтовых дезертиров в деревнях отмечают многие крестьяне в своих воспоминаниях, что свидетельствует о широком размахе этого явления⁴⁵. Джон Рид, который одно время состоял военным корреспондентом на русском фронте, касаясь вопроса дезорганизации русской экономики и развала армии, подчеркивал, что этот процесс начался еще в первый год войны, и, что русские солдаты «стали разрешать вопрос о мире дезертирством»⁴⁶. Дезертирство, какими бы причинами оно не было вызвано, серьезнейшим образом разлагало армию и подрывало ее боеспособность.

Одним из симптомов развала русской армии явилось огромное количество «без вести пропавших», т.е. пленных. За годы войны наиболее частыми были случаи одиночных перебежек к противнику или переходов небольшими группами. Но иногда в плен сдавались целые роты. По свидетельству главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала Н.И.Иванова, большая часть пропавших без вести состояла из дезертиров или сдавшихся в плен⁴⁷. За все время войны до Февральской революции потери пленными и пропавшими без вести составили около 2,5 млн чел.⁴⁸

После неудачного июньского наступления 1917 г. процесс распада русской армии заметно ускорился. Австро-германское командование вновь возобновило братание на фронте и делало все от него зависящее, чтобы использовать его в своих целях. Даже депутат Петроградского совета П.Н.Мостовенко, посетивший в качестве его представителя Румынский фронт, так и заявил на VI съезде РСДРП(б), что «побывавши на фронте, я убедился, что организация братания идет со стороны немцев...» и далее заключил, что оно сильно дезорганизует армию⁴⁹. Вывод П.Н.Мостовенко о доминировании немецкой инициативы в деле организации братания подтверждается и командованием частей и соединений действующей армии, и самими солдатами⁵⁰. Вновь возникший интерес к братанию со стороны противника свидетельствовал о заинтересованности в нем австро-германского командования, снова вернувшегося к идее развала русской армии через эту наиболее действенную форму антивоенного протеста солдат.

Преобладание инициативы в деле организации братания с австро-германской стороны в период июля-августа 1917 г. можно объяснить и тем обстоятельством, что Временное правительство и верховное главнокомандование наконец-то перешли от словесного осуждения этого явления к довольно строгим мерам против нарушителей воинской дисциплины. В первую очередь это было известное постановление Временного правительства от 12 июля 1917 г. о восстановлении смертной казни на фронте, отмененной после Февральской революции, а также приказ верховного главнокомандующего генерала Л.Г.Корнилова по действующей армии от 1 августа о мерах по борьбе с братанием. Согласно этому приказу немецким «братальщикам» грозила немедленная смерть, а нашим солдатам, идущим с ними на братание – военно-полевой суд «как за измену», что зачастую тоже означало смертную казнь. Непосредственной причиной этого приказа, как писал генерал, было то, что «на некоторых участках фронтов противник до сих пор еще делает попытки брататься с нашими солдатами»⁵¹.

Аналогичные приказы издавались и командованием непосредственно на фронте. Так, командующий 5-й армией Северного фронта генерал Ю.Н.Данилов в приказе от 15 июля 1917 г. в пункте о братании отмечал, что «долг всякого верного России солдата, замечающего попытку к братанию, – немедленно стрелять по изменникам. Рота, в которой таких мер не будет принято, должна быть немедленно расформирована, с обязательным преданием суду зачинщиков...»⁵². Как свидетельствуют судебные материалы, эти угрозы не остались только на бумаге и некоторое количество солдат, участвовавших в братании, было осуждено в основном на каторжные работы. В отдельных случаях были вынесены и смертные приговоры⁵³. Однако столь строгие меры были введены с явным запозданием, когда процесс развала русской армии стал фактически необратимым.

После ликвидации корниловского выступления снова начинает усиливаться большевистская антивоенная агитация на фронте. «Войну надо кончать, – писал Петроградский комитет РСДРП(б), – но как? В этом весь вопрос. И когда мы, большевики, подходим к этому вопросу, мы говорим: единственный путь к этому – власть рабочих и беднейших крестьян»⁵⁴. В сентябре-октябре началась большевизация войсковых комитетов, без которой партия большевиков не смогла бы перетянуть на свою сторону многомиллионную солдатскую массу и взять власть в армии.

Развалу армии, несомненно, способствовало и неуклонное ухудшение ее материально-технического и продовольственного снабжения. Так заготовки хлеба в феврале-октябре не достигли и половины потребности страны (48%), а в августе-октябре и вовсе составили 33,5% от установленного задания⁵⁵. К осени 1917 г. голод проник и в действующую армию. Например, в августе-сентябре на фронт была отправлена только третья часть необходимых войскам хлебопродуктов⁵⁶. Главному интендантскому управлению и лично А.Ф.Керенскому в сентябре-октябре почти ежедневно направлялись телеграммы с фронтов о катастрофическом положении со снабжением войск продовольствием и фуражом. Так, главнокомандующий армиями Северного фронта генерал В.А.Черемисов телеграфировал в середине октября Временному правительству, что на фронте из-за отсутствия муки останавливались хлебопекарни. «Остается доедать сухари, после которых начнется голод со всеми последствиями»⁵⁷.

Сентябрь и особенно октябрь 1917 г. ознаменовались на фронте возрастающими антивоенными настроениями и многочисленными братаниями с противником⁵⁸. Такой активизации братания способствовало и то обстоятельство, что новый состав переизбранных войсковых комитетов, где руководство принадлежало большевикам, практически легализовал братание и взял проведение его в свои руки. Так, по подсчетам И.И.Минца, число случаев братания на фронте уже в сентябре 1917 г. удвоилось по сравнению с августом, а в октябре увеличилось в пять раз(!) по сравнению с сентябрем⁵⁹. Братание в этот период приобрело новые черты – большую массовость и организованность, в чем, несомненно, сказалась большевизация войсковых комитетов. Здесь следует еще раз подчеркнуть: для дезорганизации армии наиболее серьезным видом нарушения воинской дисциплины, свидетельствующим о действительном падении боеспособности, как справедливо считала и Ставка, было именно братание. В объяснительной записке военно-политического отдела Ставки о состоянии армии в октябре так и указывалось, что «в целом ряде таких нарушений самым важным является,

несомненно, братание с противником, так как, с одной стороны, оно служит проявлением наивысшей деморализации войск, а с другой стороны, сильнее всего подрывает основы боеспособности и дисциплины, вызывая целый ряд эксцессов и осложнений»⁶⁰. Именно здесь содержится ответ на вопрос, почему большевики так настойчиво вновь взялись за организацию братаний.

После прихода большевиков к власти такая форма антивоенного движения, как братание, была не только узаконена, но и стала одним из главных инструментов борьбы Советского правительства за заключение мира со странами Четверного союза. Лозунг дней, прошедших от декрета о мире до ленинского обращения 9 ноября по радио к солдатам заключать локальные перемирия с противником, – «Братание ускорит мир», был доминирующим на фронте. Фактически мощная поддержка и организация большевиками массовых братаний на фронте в этот период психологически подготавливали солдатскую массу только к миру, но не к «справедливому демократическому миру без аннексий»⁶¹, а к миру любой ценой. Ведь в итоге внедрения большевиками массового братания на фронте совершенно непоправимым стало положение в деле боеспособности действующей армии. В свою очередь солдаты считали дальнейшее ведение войны уже невозможным. «Разговоры о мире не прекращаются, – отмечалось в сводке сведений о настроении с 25 октября по 8 ноября на фронте, отправленной в Ставку, – ожидания его переходят в уверенность настолько, что солдаты местами отказываются укреплять землянки, говоря, что «все равно скоро мир»⁶².

В ноябре 1917 г. началась обвальная демократизация действующей армии, целью которой был решительный слом сопротивления преобладающей части генералитета и офицерского корпуса политике сепаратного мира и приобщение деморализованной армии к политическим целям большевиков. Это в конечном итоге привело к параличу и так уже надломленного аппарата управления на фронтах. Разгром Ставки, массовое удаление и аресты командного состава и замена его неквалифицированным контингентом из солдатской среды, единственным критерием для избрания которых являлась политическая благонадежность по отношению к новой власти, своим последствием имели полную оперативно-организационную неспособность этих кадров справляться с задачей управления войсками. Таким образом, вынужденный Брестский мир, на наш взгляд, был в значительной степени подготовлен такой демократизацией армии, которая превратила и так распадавшуюся армию (не способную и ранее к наступлению, но проявлявшую определенные тенденции к обороне) в «отдельные вооруженные кучки, которые не представляли никакой военной ценности», как это констатировало германское командование⁶³.

Растущей деморализации солдат действующей армии содействовало не только проведение демократизации и братание, но и нерешенный Временным правительством земельный вопрос. После обнародования декрета Советского правительства о земле солдатская масса все больше втягивалась в аграрное движение крестьянства и зачастую выступала в роли инициаторов аграрных погромов в прифронтовой полосе⁶⁴.

Одновременно с началом проведения демократизации Советское правительство решило приступить к переговорам о мире. 9 ноября В.И. Ленин обратился по радио к солдатам с призывом: «Солдаты! Дело мира в ваших руках... Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет народных комиссаров дает вам права на это»⁶⁵. Поводом к этому призыву явился, как известно, отказ верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Духонина выполнить распоряжение Советского правительства о перемирии. Смещение Советом народных комиссаров генерала Н.Н. Духонина и назначение верховным главнокомандующим большевика прапорщика Н.В. Крыленко в значительной степени облегчило заключение перемирия.

Следует, однако, заметить, что привлечение солдатской массы к этому не свойственному ей делу, сильно подорвало и так уже едва державшуюся дисциплину на фронте. Ведь после этого призыва отношение к заключению перемирия превратилось в тот главный признак, по которому вся армия делилась на два лагеря. Противники заключения перемирия относились большевиками к лагерю «врагов народа» (практически весь офицерский корпус и руководство непереизбранных войсковых комитетов). Сторонники перемирия являлись одновременно и сторонниками большевиков. В результате солдатская масса практически вышла из-под контроля командования, а большевистский контроль за ней в лице военно-революционных комитетов еще только налаживался.

Для заключения «солдатских миров» на протяжении всего русского фронта отдельные части посылали парламентариев к противнику. В целом, как свидетельствуют документы и показывают различные исследования, процесс заключения локальных перемирий проходил вполне организованно, эксцессов практически не было⁶⁶. Австро-германская сторона, в свою очередь, также проявила большую организованность в этом деле, поскольку желала такого перемирия еще с весны 1917 г. Во время заключения перемирия на русских фронтах с австро-германским командованием, т.е. с 14 ноября по 5 декабря⁶⁷ братание было практически непрерывным, о чем свидетельствовали военные сводки тех дней⁶⁸. Для этого периода было характерно, что для получения интересующих противника

разведывательных данных австро-германское командование часто выступало как инициатор братания, о чем говорят многочисленные факты⁶⁹.

В период заключения перемирий на фронте серьезно осложняло и было постоянно действующим фактором развала армии, как уже отмечалось, – ее продовольственное снабжение, которое в ноябре и в последующие месяцы окончательно подорвало действующую армию и делало невозможным пребывание солдат на фронте. Как заявило в ноябре интендантское управление Ставки, министерство продовольствия было не в состоянии обеспечить продовольствием действующую армию⁷⁰. Телеграмма с Западного фронта от 2 декабря гласила, что в войсках «длительное недоедание перешло в голод» и что «агония уже наступила»⁷¹. Подобные сообщения поступали со всех фронтов⁷². Критическому положению со снабжением действующей армии продовольствием также способствовало усиление к этому времени так называемого мешочничества, разрухи на транспорте, а главное – разрастание гражданской войны. Так, в начале декабря в среднем в сутки на Северный фронт прибывал 31 вагон муки вместо нормы в 92 вагона, а на Западный фронт всего 8 вагонов вместо 122⁷³. В начале января 1918 г. недовоз продовольствия на фронты усилился. Так, с 1 по 15 января на Северном фронте он составил 73%, а на Западном 89%⁷⁴. В январе 1918 г. Ставка неоднократно сообщала, что усиленный уход солдат с фронта связан с голодом⁷⁵.

Говоря о братании периода заключения локальных перемирий (середина ноября – начало декабря), можно сказать, что тон в проведении братания в этот период задавало австро-германское командование. Так, известны случаи, когда при накоплении достаточного разведывательного материала, командование противника приостанавливало братание⁷⁶. Его не устраивало, например, массовое появление русских солдат во время братания, поскольку это мешало установлению действенного офицерского контроля. По этой же причине при заключении договора о перемирии между Россией и странами Четверного союза 2 декабря 1917 г. в пункте о братании австро-германская сторона настояла на том, что «каждый раз допускаются к братанию не более 25 человек с каждой стороны». Там же оговаривалось, что «на участке каждой русской дивизии между окопами должны быть установлены... в двух или трех заранее установленных местах пункты для братания. Братание допускается только от восхода до захода солнца. Допускается обмен газетами, журналами, открытыми письмами и вещами. Участки для братания отмечаются белыми флагами»⁷⁷. Весьма примечательно, что по поводу включения пункта о братании в договор о перемирии очень восторженно высказывался советский верховный главнокомандующий Н.В.Крыленко. В телеграфном обращении к солдатам действующей армии от 4 декабря он отмечал, что «братание одно из могучих средств нашей революционной борьбы», и «поставлено братание на почву правильной социалистической пропаганды международного братания»⁷⁸.

Однако целый ряд случаев братания с противником свидетельствовал о том, что вместо «правильной социалистической пропаганды международного братания» русские солдаты все больше втягивались в меновую торговлю. Так, в сводке сведений о ходе перемирия, составленной начальником военно-политического и гражданского управления при верховном главнокомандующем И.А.Апетером 21 декабря 1917 г., сообщалось, что братание носит организованный характер, «чаще всего выражаясь в обмене вещей; солдаты группами не более определенного числа собираются для этой цели и братаются с немецкими солдатами»⁷⁹. В рапорте временно исполняющего обязанности начальника Военно-политического и гражданского управления при верховном главнокомандующем С.И.Зобкова от 4 января 1918 г., направленном в Ставку, докладывалось, что «братания продолжают и носят в большинстве случаев характер натурального обмена»⁸⁰. Уже 16 января 1918 г. начальник штаба верховного главнокомандующего М.Д.Бонч-Бруевич в сообщении в СНК о состоянии действующей армии был вынужден признать, что «деморализация достигла крайних пределов, братание превратилось в бойкую торговлю»⁸¹. Для облегчения меновой торговли с противником солдаты разбирали проволочные заграждения на позициях⁸². Фактически к середине января 1918 г. позиционная оборонительная линия на фронтах уже не существовала.

Следует сказать, что, заключив перемирие, СНК не смог дать стране и армии того долгожданного демократического мира «без аннексий и контрибуций», который провозглашался в дооктябрьский период. Сепаратные действия Советского правительства в условиях продолжавшейся войны на Западе во многом предопределили грабительский и «похабный», как признавал В.И.Ленин, мир с Германией. Надо отметить, что заключение местных соглашений о перемирии на фронте окончательно подорвало единое централизованное управление войсками, свело на нет роль Ставки, а о едином управлении фронтами не могло уже быть и речи. Главное, теперь солдатская масса, после заключения перемирия и массового братания считала войну законченной, и усилия Советского правительства поднять их на так называемую революционную войну были заранее обречены на провал, тем более что солдатская масса тяготела к любому миру. Советский верховный главнокомандующий Н.В.Крыленко должен был констатировать, что в распоряжении Советской власти отсутствовала «революционная армия бойцов», а солдаты в частях являлись «армией тех, кто думает только о своей хате»⁸³. В новых условиях, после

заклучения перемирия, прежняя проблема дезертирства стала принимать в действующей армии характер массового ухода солдат, стремящихся в деревню к аграрному дележу, а также значительной части офицерства, униженного и лишенного должностей в результате перевыборов командного состава. Здесь следует отметить, что не все офицеры уходили домой, часть из них пробиравалась на Дон к бежавшему из Быховской тюрьмы генералу Л.Г.Корнилову и составила костяк Добровольческой армии⁸⁴. Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М.Д.Бонч-Бруевич в сообщении из Ставки 18 января 1918 г. в Совет Народных Комиссаров констатировал, что «дезертирство прогрессивно растет: ...целые полки и артиллерия уходят в тыл, обнажая фронт на значительных протяжениях, немцы толпами ходят по покинутой позиции... Постоянные посещения неприятельскими солдатами наших позиций, особенно артиллерийских, и разрушение ими наших укреплений на покинутых позициях несомненно носят организованный характер»⁸⁵.

Перед лицом немецкого наступления Советское правительство предпринимало усилия по созданию новых вооруженных сил. В растаявшей армии делались попытки сведения малых единиц в более крупные, происходили переформирования, создавались сводные отряды и т.д.⁸⁶ Все это не давало ощутимых результатов. Добровольческие же отряды Красной гвардии были крайне малочисленны и слабо обучены. Начавшееся немецком наступление в феврале 1918 г. показало, что русской армии больше нет. Разрозненные ее остатки фактически бежали перед наступающими германскими войсками, которые легко заняли ряд прифронтовых городов и вышли на широкий оперативный простор.

Брестский мир был неизбежным этапом, так как нельзя было, разложив армию, не принять немецкие условия мира. Это был единственно возможный в создавшейся обстановке шаг Советского правительства. Следует отметить, что большевики, создавая в дальнейшем новые вооруженные силы, извлекли политические уроки из развала русской армии, отказались от солдатских и военно-революционных комитетов, «выборного начала» и т.п.

Таким образом, развал русской армии, начавшийся задолго до Февральской революции, достиг своего апогея осенью 1917 г., и к началу немецкого наступления в феврале 1918 г. русского фронта уже практически не существовало. Такой результат вполне закономерен: если разваливается тыл, то аналогичный процесс происходит и на фронте. Если политические бури лихорадят общество, то же самое происходит и с военнотружущими, так как страна и армия единый организм. На все политические кризисы бурного 1917 г. в России армия активно реагировала. Эта реакция выражалась в различных формах антивоенного протеста против военной политики Временного правительства, стихийных братаниях с противником, массовом дезертирстве, добровольной сдаче в плен и других злостных нарушениях воинской дисциплины, ускорявших и без того быстрый процесс развала армии. После прихода к власти большевиков он еще более ускорился. К антивоенному движению солдат добавилось резкое ухудшение снабжения армии; демократизация, оставившая армию без командования; заключение локальных перемирий с противником, сделавшее невозможным централизованное управление войсками; стихийная самодемобилизация⁸⁷ и т.д. Все это неизбежно привело к окончательному развалу русской армии, что стало важнейшим социально-политическим событием в жизни страны.

¹ Красный архив. М.-Л., 1926. Т. 4 (17). С. 50.

² Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войн). Казань, 1932. С. 87.

³ См., например: *Гапоненко Л.С., Кузьмина Т.Ф.* Из истории борьбы солдат Западного фронта за мир в 1917 г. // Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966; *Ткачук А.Г.* Братание на фронтах в 1917 г. (по материалам Юго-Западного и Румынского фронтов) // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967; *Кутузов В.В.* Документы о братании // Советские архивы. 1968, № 4; *Миц И.И.* История Великого Октября. В 3-х т. Изд. 2-е. М., 1977–1979; *Миллер В.И.* Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальный период деятельности). М., 1974; *Гаврилов Л.М.* Солдатские комитеты в Октябрьской революции (действующая армия). М., 1983; *Ивашин В.Г.* Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Минск, 1972; *Истрати Е.Н.* Демократическое движение за мир на румынском фронте в 1917 г. Кишинев, 1973; *Якунов Н.М.* Революция и мир. (Солдатские массы против империалистической войны. 1917 – март 1918 гг.). М., 1980; *Конилов Е.В.* Борьба большевиков за демократический мир среди солдат действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. Саратов, 1981.

⁴ См., например: *Миллер В.И.* Указ. соч. С. 261-262.

⁵ См., например: *Миц И.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 361-362; Т. 2. С. 406.

⁶ *Френкин М.С.* Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978; *Wildman А.К.* The End of Russian Imperial Army. 2V.Princeton, 1979; Уайлдман А.К. Армия и вопрос о законности власти в России //Отечественная история, 1994, № 2, с. 19-30.

⁷ Там же. С. 187-197.

⁸ Там же. С. 266.

⁹ Там же.

¹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 164.

- ¹¹ Там же. Т. 31. С. 265.
- ¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 1. С. 440.
- ¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 293-296, 555.
- ¹⁴ Там же. С. 459-460.
- ¹⁵ См., например: Русские ведомости. 1917. 14 апреля; Дело народа. 1917. 23 апреля; Вестник Временного правительства. 1917. 27 апреля; Русское слово. 1917. 4 мая; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1561. Л. 109.
- ¹⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 329.
- ¹⁷ Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992. С. 144.
- ¹⁸ Там же. С. 144.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 180.
- ²¹ Там же.
- ²² Деникин А.И. Указ. соч. С. 329. Аналогичные выводы по Западному фронту приводятся: Ивашин В.Г. Указ. соч. С. 234.
- ²³ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 180-181.
- ²⁴ Гофман М. Записки и дневники (1914–1918 гг.). Л., 1929. С. 106.
- ²⁵ Деникин А.И. Указ. соч. С. 329.
- ²⁶ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 181. Аналогичный факт приводится: Деникин А.И. Указ. соч. С. 331-332.
- ²⁷ Крыленко Н.В. Почему побежала русская революционная армия. Пг., 1917. С. 21.
- ²⁸ Френкин М.С. Указ. соч. С. 266.
- ²⁹ Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959. С. 79.
- ³⁰ Русское слово. 1917. 27 июня.
- ³¹ См., например: Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 181; Деникин А.И. Указ. соч. С. 330; Вестник Временного правительства. 1917. 27 мая.
- ³² Кутузов В.В. Указ. соч. С. 38.
- ³³ Ткачук А.Г. Указ. соч. С. 135, 138.
- ³⁴ См., например: Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 183, 193-194; РГВИА. Ф. 2152. Оп. 7. Д. 164. Л. 178; Д. 2. Л. 105.
- ³⁵ Миллер В.И. Указ. соч. С. 261.
- ³⁶ Гаврилов Л.М. Указ. соч. С. 53.
- ³⁷ Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года. М., 1968. С. 30.
- ³⁸ Россия в Мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). М., 1925. С. 26.
- ³⁹ Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 41.
- ⁴⁰ Френкин М.С. Указ. соч. С. 25.
- ⁴¹ Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 1. С. 396-397, 403-404, 451.
- ⁴² Суханов Н. Записки о революции. Пг., 1922. Кн. 4. С. 137.
- ⁴³ Там же. С. 137.
- ⁴⁴ Миллюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 94.
- ⁴⁵ См.: 1917 год в деревне. (Воспоминания крестьян). М., 1967. С. 87, 131, 143.
- ⁴⁶ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1968. С. 255, 271.
- ⁴⁷ См.: Минц И.И. Указ. соч. Т. 1. С. 361-362.
- ⁴⁸ Россия в Мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). С. 30.
- ⁴⁹ VI съезд РСДРП(б). Август 1917 г. Протоколы. М., 1958. С. 85.
- ⁵⁰ См., например: РГВИА. Ф. 2156. Оп. 1. Д. 23. Л. 2, 3; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 363.
- ⁵¹ Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 г. С. 283-284.
- ⁵² Базанов С.Н. В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. М., 1985. С. 58.
- ⁵³ См., например: Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 г. С. 273, 284-285.
- ⁵⁴ Солдат. 1917. 8 сентября.
- ⁵⁵ Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 113.
- ⁵⁶ Там же. С. 113.
- ⁵⁷ Цит. по: Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Указ. соч. С. 137.
- ⁵⁸ См., например: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 30. Л. 29; Д. 34. Л. 4, 5, 20, 39, 40, 45, 46, 50, 62; Ф. 2015. Оп. 1. Д. 57. Л. 234, 241, 256, 291, 292; Д. 104. Л. 30-32; Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 47.
- ⁵⁹ Минц И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 746.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 31. Л. 70 об.
- ⁶¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13; Псковский набат, 1917. 27 октября.
- ⁶² РГВИА. Ф. 2015. Оп. 1. Д. 102. Л. 76.
- ⁶³ Гофман М. Указ. соч. С. 113.
- ⁶⁴ См., например: Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1973. С. 91, 93, 381. Подробнее об участии солдат прифронтовой полосы в аграрном движении в послеоктябрьский период см.: Базанов С.Н. Участие военно-революционных и войсковых комитетов действующей армии в аграрных преобразованиях (ноябрь 1917 – февр. 1918) // Историография Октябрьской революции и гражданской войны в Поволжье. Куйбышев, 1984. С. 140-149; Он же. Роль солдатских масс и их революционных организаций в проведении в жизнь Декрета о земле в прифронтовых районах // Проблемы историографии истории Октябрьской революции. Самара, 1991. С. 143-153.
- ⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 82.
- ⁶⁶ Подробнее о процессе заключения локальных перемирий на фронте см., например: Ивашин В.Г. Указ. соч.; Истрати Е.Н. Указ. соч.; Базанов С.Н. В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. С. 103-115; Базанов С.Н. Солдаты Северного фронта в борьбе за мир в ноябре – декабре 1917 г. // Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981. С. 83-93.

- ⁶⁷ Минц И.И. Указ. соч. Т. 3. С. 295.
- ⁶⁸ См., например: Русские ведомости. 1917. 9, 28 ноября.
- ⁶⁹ См.: Френкин М.С. Указ. соч. С. 676-677.
- ⁷⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 512. Л. 122.
- ⁷¹ Там же. Оп. 10. Д. 214. Л. 148-150.
- ⁷² Там же. Оп. 1. Д. 534. Л. 99, 107; Ф. 2009. Оп. 1. Д. 63. Л. 112; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 534. Л. 87.
- ⁷³ Там же. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 63. Л. 144, 145, 147.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 692. Л. 113.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 2. Д. 990. Л. 37, 41, 74.
- ⁷⁶ Социал-демократ. 1917. 31 декабря.
- ⁷⁷ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 252-253, 427-428.
- ⁷⁸ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 7. Д. 119. Л. 270.
- ⁷⁹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 302.
- ⁸⁰ Там же. С. 353.
- ⁸¹ Там же. С. 375.
- ⁸² Там же. С. 369, 378.
- ⁸³ Революционная Ставка. 1917. 29 декабря.
- ⁸⁴ Подробнее о причинах пополнения бывшими офицерами русской армии различных белогвардейских формирований см.: Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 39-49.
- ⁸⁵ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 381.
- ⁸⁶ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1210. Л. 26; Ф. 2106. Оп. 3. Д. 64. Л. 275.
- ⁸⁷ Подробнее о процессе демобилизации русской армии см.: Базанов С.Н. Демобилизация русской армии в 1917 г. //Военно-исторический журнал. 1998, № 2.